

Цветы и птицы

Каринка, как всегда, кричала. Впрочем, чему удивляться? Так проявлялась горячая армянская кровь. В Каринкиной семье никогда не разговаривали на полутонах. Там всегда было шумно — и в радости, и в горе. Аня морщилась от ее громкого голоса, отодвигала трубку от уха — пережидала. Знала, подруга накричится и успокоится. Так бывало всегда.

Однако сегодня Каринку несло.

— Слушаешь? — периодически сурово уточняла она.

Анна торопливо отвечала:

— Да-да, конечно! А что же я делаю, по-твоему, господи?

Карина недоверчиво усмехалась:

— С тебя станется!

Анна слушала. Разумеется, слушала. Морщилась, кривилась, но слушала. И понимала — подруга права.

Наконец та замолчала, громко выдохнула и произнесла последнее:

— Ну? Какие действия?

Каринка была человеком действий, кто спорит? А Анна... Анна уж точно таким человеком не была.

— Ну... А каких действий ты, собственно, ждешь? — И торопливо, боясь гнева подруги, добавила: — Нет-нет! Я поняла! Ты, конечно, права! Только... Мне надо подумать.

Каринка опять взорвалась:

— Подумать? Ну да, разумеется! У тебя же совсем не было времени, чтобы подумать! Ты же так занята, правда? Спасибо, что хоть на этот разговор время нашла!

Анна пыталась подругу остановить, понимая, что это труд напрасный и пока Каринка не выскажется, не замолчит.

И все же примирительно сказала:

— Кар, да я все поняла, успокойся! И повторяю, ты, конечно, права. Просто... Это же такое дело... Ну как так — с обрыва? Надо прикинуть, посчитать, наконец. Дело-то очень серьезное.

Каринка перебила:

— Слушай, а у тебя вообще деньги есть? В смысле — отложены?

— Да-да! — заторопилась Анна. — Конечно, а как ты думала? Ты же знаешь меня, я осторожная и аккуратная. И еще — такая трусиха!

— Я не имею в виду деньги на твой обезжиренный кефир и на УЗИ желудка — я имею в виду деньги, Ань! Ты поняла?

Пока Анна медлила с ответом, Карина ответила сама:
— Господи, да о чем я? Что я у тебя спрашиваю? Совсем рехнулась. Какие деньги? Ну какие у тебя могут быть деньги? Нет, это я, Ань, дура, а не ты!

И она замолчала.

Анна тоже молчала, прикидывая, что тут можно ответить. Точнее — соврать.

— В общем, так! — снова вступила Карина. — Путевку я тебе оплачиваю. И никаких возражений! Ты меня знаешь, как я сказала, так и будет! Путевку оплачиваю, а уж все остальное — сама! И кстати! Путевка — это не благотворительность, это подарок на твой юбилей! Мне так проще, не надо голову ломать: раз — и все, я свободна. А, красота? — Теперь голос Карины чуть поутих, стал мягче. Она понимала, сейчас начнутся баталии.

Анна задохнулась от возмущения:

— Ты спятила, Кар? Какие подарки, какой юбилей? Я вообще о нем не думаю, вообще забыла! Ты же знаешь, как я отношусь ко всему этому — как я ненавижу свои дни рождения! А уж юбилеи эти... Нет, ты правда рехнулась!

— Ага, — беспечно согласилась Карина, — рехнулась. Короче — хочешь мне облегчить жизнь? Тогда — соглашайся.

И совсем умоляющим голосом добавила:

— Ань! Ну ты же знаешь — мне это вообще ничего не стоит!

Анна вспыхнула и оборвала разговор:

— Все, Кар! Ты меня услышала. Закончили, все. А над твоим предложением я подумаю, обещаю! — со смехом добавила она. — Слышишь, о-бе-ща-ю! — И положила трубку.

Обе понимали — разговор не закончен. Они слишком хорошо знали друг друга.

Анна потеряла горящие от возбуждения и возмущения щеки и прошла по комнате. Нет, Каркино предложение — что говорить? — мечта. Сказка. Но были ли? Денег, конечно, не было. Нет, они были, но разве это деньги? Каринка права — на обезжиренный кефир и УЗИ. На другое не хватит. А уж на поездку в Италию... Смешно.

На всякий случай Анна залезла в заначку, как будто там что-то могло измениться. Сумма была ей известна до копейки. И прибавиться ничего не могло. Она быстро пересчитала жалкую пачечку долларов и вздохнула. Нет, ничего не получится. К тому же в Италии — евро, а он дороже доллара. И это означает только одно — денег еще меньше.

Она убрала деньги обратно. Нет, и думать нечего! Да и вообще — подумаешь, мечта. Мечта на то и мечта, чтобы оставаться мечтой и не делаться былью.

Анна Валентиновна Березкина, вдова пятидесяти четырех лет — через два месяца пятьдесят пять, — села в кресло и закрыла глаза.

В последнее время, а точнее в последние полгода, она была совершенно свободна. Дела закончились. Хо-

тя, если разобраться, свободна она была всю жизнь. Но теперь это было определено и окончательно — она могла подолгу лежать на диване, сидеть в кресле, смотреть телевизор, читать журнал или книгу. Подолгу пить чай и смотреть старые фото. Болтать по телефону. Правда, болтать было особенно не с кем, да и, честно говоря, неохота. Только с Каринкой. Но это уже судьба. Короче, она могла вообще ничего не делать.

Она могла не готовить обед и ужин, а также завтрак. Могла не варить бесконечный кофе и заваривать крепкий чай. Могла не мыть кисти, не складывать подрамник и краски. А еще не звонить заказчикам и галеристам. Не гладить рубашки и брюки. Не вытирать бесконечно, по сто раз на дню, пыль — в доме больше не было аллергиков.

В доме вообще больше никого не было. Кроме нее, Анны Валентиновны. Потому что ее муж, Игорь Березкин, умер и она стала вдовой. Потому что закончилась старая жизнь и началась новая. Анна Березкина осталась абсолютно одна. Одна на всем белом свете — Каринка не в счет. Ни родителей, ни детей у Анны Березкиной не было. Да и с родней было не очень — хотя, может, это и хорошо?

Анна Березкина всегда принимала действительность так, как ее преподносила судьба. И никогда не роптала. Никогда. Ни разу в жизни. И даже наоборот — считала себя счастливым человеком.

Вот уж воистину — прекрасное свойство природы! И вправду счастливая — ни на кого не обижена и за все благодарна. Счастливица, верно?

Нет, разумеется, она не воспринимала уход мужа как счастье — господи, да о чем вы? Это было огромное, бесконечное и безбрежное горе — столько лет вместе, вся жизнь. Вся ее жизнь — это Игорь Березкин. Которому верой и правдой она прослужила тридцать четыре года.

Всю жизнь она жила *во имя. Ради. Для.* Для него, во имя него, ради него. Он был талант. Большой талант. Большой и, кстати, всеми признанный — что тоже не пустяки.

Анна была «при». При великом муже. Тень, дух, отсвет, отражение, отблеск. Была почти бесплотна и даже гордилась этим. Двух гениев в одной семье не бывает! Эта фраза стала ее лозунгом, идеей фикс, девизом и смыслом жизни — служить гениальному мужу. Служила она ему верно и рьяно. С собачьей преданностью, как говорила Карина.

С его уходом Анна потеряла все. Потеряла сам смысл жизни — вот что было страшно. Она почти не выходила из дома, только в магазин за самым необходимым. Ни в театр с Кариной, ни в кино. Никуда. Никаких развлечений и увеселений. Впрочем, какие увеселения у немолодой женщины, всю жизнь живущей жизнью другого человека? Она давно отвыкла от себя и от своих желаний. После ухода Игоря, Гарика, как она его на-

зывала (по его, кстати, просьбе), Анна Валентиновна, тихая и скромная, выдержанная и невозмутимая, неконтактная, совершеннейший интроверт, совсем замкнулась в себе. Общалась только с Каринкой — ну тут уж, как говорится, распорядилась судьба. Всю жизнь рядом — вместе с детского сада до институтской скамьи и дальше. Никогда они не терялись, надолго не расставались, серьезно, до трагического разрыва, не ссорились, несмотря на категорически несхожие характеры, противоположные судьбы и вообще непохожие во всем, включая социальное и финансовое положение.

Говорят, что мужчина — это судьба в жизни женщины. Но и подруга бывает судьбой, вы уж поверьте.

Первая встреча девочек состоялась под ноябрьские праздники в детсаду «Елочка» под бравурный марш чокнутой музработницы. Нарядные дети, держась за руки, входили в актовЫй зал и вставали полукругом вокруг композиции, любовно составленной все той же чокнутой музработницей — искусственный венок из пластиковых листьев, почти кладбищенский, увитый алыми лентами и транспарантом «Слава КПСС! С великим праздником революции, дорогие друзья!». Дети ничего не понимали, были напуганы, сбивались с ноги, спотыкались, жались друг к другу, толкались плечами и по очереди начинали рыдать — музработницу они боялись, куплеты тут же позабыли и очень хотели к родителям, сидевшим на стульях напротив. Но никто к ним не рванул — музработница, сурово сдвинув брови, исподтишка погрозила

малышне кулаком. Все кое-как разместились и недружно завывли: «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

Родители каменели от ужаса происходящего: пластиковый венок, криво написанный транспарант и на- смерть перепуганные дети — вот уж кошмар так кошмар! Вдруг одна девочка, высокая и толстая, вырвалась из нестройных рядов запевал и бросилась к матери, такой же черноволосой, полной и яркой женщине, в крупных и длинных серьгах и красном шелковом платье. Женщина прижала девочку к груди, утерла ей слезы и, взяв за руку, резко и решительно вышла из актового зала, бросив у двери гневный и красноречивый взгляд прекрасных горячих восточных глаз на горе-музыкантшу. Мотнув красивой головой, с возмущением произнесла:

— Господи, детям — и такую чушь! Вы совсем обалдели!

Музработник смутилась, залилась свекольной краской, и ее крупные рабочие руки повисли над клавишами. Она заморгала глупыми и блеклыми глазами:

— Что это, как? Кто посмел? Посреди праздника?

И родители, и воспитатели, и дети проводили оставших растерянными взглядами. Воцарилась тишина.

Но тут сообразительная заведующая взмахнула рукой:

— Продолжайте, Раиса Петровна, не обращайтесь внимания!

И праздник пошел своим чередом.

На следующее утро толстую чернявую девочку Аня встретила в раздевалке. Та внимательно, по-взрослому, посмотрела на заробевшую Аню и наконец со вздохом сказала:

— Ну что, будем дружить? Я Карина.

Аня захлопала глазами и тут же кивнула: она вообще не умела отказываться. Новая подруга взяла ее за руку, слегка дернула и вопросительно посмотрела на нее:

— Ну чего встала? Идем?

Анечка закивала и быстро засеменила вслед за новой подругой. Уже тогда, в раннем детстве, она была ведомой, и эта роль ее ничуть не угнетала — каждому, как говорится, свое.

За завтраком сидели парами — мальчик с девочкой, детей рассаживали воспитатели. Но новая подруга решительно села рядом с Анечкой, отпихнув конопатого и тишайшего, влюбленного в Анечку и мгновенно заревевшего Вову Кулакова.

— Она будет сидеть со мной! — сурово объявила Карина.

Обалдевшая Анечка снова покорно кивнула. Правда, и Вовку ей было жаль. Но что поделать? Спорить с Кариной смысла не было — в свои неполных пять лет она поняла это сразу, в ту же минуту. Поняла и усвоила навсегда. Так началась их дружба.

Кажется, хмурую и очень бойкую девочку побаивалась даже воспитательница — по крайней мере, есть манную кашу Каринку не заставляли, в тихий час над ее

кроватю с суровым взглядом не стояли и не заставляли Каринкину мать завязывать дочери на праздники капроновые банты — какая безвкусица, господи!

Позже выяснились подробности. Каринка жила в том же доме, что и Аня. Только Аня жила давно, сто лет, с самого своего рождения, а Каринка переехала туда совсем недавно — месяц назад. Дом стоял полукругом, и оказалось, что квартиры девочек строго напротив — на пятом этаже окна Анечки, на шестом — квартиры Каринки. Окна в окна. Каждое утро, и в будние дни, и в выходные, и в праздники, и в каникулы, строго соблюдался ритуал: в восемь утра — приветствие, свидание у окна. Ну а уж в дальнейшем была разработана система опознавательных знаков: три взмаха — все ок, через полчаса во дворе. Четыре — не, попозже, дела. Ну и пять — сегодня никак, увы!

Каринка жила с матерью и дедом с бабкой. Все ученые-биологи. Дед, бабка — профессора. Мама, та самая строгая, яркая и красивая женщина в крупных серьгах, Нуне Аветисовна, — тоже профессор.

Дед, Аветис Арамович, считался в семье главным. Его боялись и с ним считались. Даже суровая Нуне, его дочь, старалась с ним не связываться. А уж его жена, бабушка Каринки, Нина Константиновна, та вообще помалкивала. «В этой армянской семье я бесправна!» — восклицала она, возводя глаза к потолку.

Лет в двенадцать Каринка открыла Ане страшную тайну: «Бабка боится деда? Да ты о чем? Это она делает

вид! Все делают вид — и мама, и я. А на деле — всем заправляет бабка Нина! Крутит им, как коровьим хвостом. Уж ты мне поверь!»

Аня, привыкшая к тишине и разговорам вполголоса, вздрагивала, попав в шумный дом. Каринка смеялась: «Привыкай! Итальянский двор, а не семья — здесь говорить тихо никто не умеет. Здесь даже молчат громко! Ха-ха».

И вправду, все говорили так, что поначалу Анечка пугалась: скандал? Нет, не скандал — отношений не выясняют, просто что-то по-семейному обсуждают. А если и выясняют отношения, все равно это не скандал и не ссора — это нормально, это забота. Это любовь.

Нина Константиновна, например, всегда возмущалась: «Я, между прочим, тоже профессор и доктор наук! А вожусь целый день у плиты — подай, принеси, убери. Я не прислуга, вы меня слышите? Я — самостоятельная единица!»

«Единица! — хмыкал дед и со смешком добавлял: — Принеси-ка мне чаю! И с бутербродом. Обед у вас не дожدهшься!»

И Нина Константиновна, ворча и сетуя, тут же несла мужу чай.

Про обед это тоже вранье — обед в семье был. Всегда. И какой! В доме всегда вкусно пахло — травами, пряностями, специями, мясом и крепким бульоном.

Нуне, мать Каринки, целыми днями пропадала в университете, где преподавала. Аветис Арамович ездил